

Вырезка из газеты

СОВЕТСКАЯ
КУЛЬТУРА

г. Москва

- 4 СЕН 1981

Николай АТАРОВ

КОМЕТА
НЕ УДИВЛЯЕТ РЕБЕНКА

Николай Сергеевич Атаров — прозаик, публицист, кинодраматург, эссеист — был человеком деятельный и неусидчивый. С одинаковой готовностью он покидал письменный стол ради поездки в Кунцевский район, чтобы посмотреть, как получают паспорта шестнадцатилетние, и летел, отправлялся в район под Сызранью, где незаконно выселяли из дома инвалидов, и ехал в Италию добывать материал для книги о Гарибальди.

Казалось бы, все это отрывало его от писательской работы, но он писал, писал

постоянно, не делая для себя разницы между повестями, рассказами и этими записями, которые мы предлагаем сегодня вниманию читателей. Размышления и наблюдения писателя казались ему столь же интересными в этих набросках, как и те, что были заключены в сюжетную традиционную форму. Он готовил книгу этих ежедневных записей. Смерть помешала ее закончить.

Мы предлагаем отрывки из этой неоконченной работы.

Есть писатели, которые лучше всего выражают себя в записных книжках. Это совсем не худшие из писателей! Огромная честность обязывает и связывает многих, и они останавливаются перед архитектурным замыслом целого произведения, видя в нем уже насилие над правдой, цепenea в боязни нарушить жизнь. Зато как они выражают душу свою, человечность в бесхитростных, непосредственных записях! Вот такой был Эффенди Капиев.

Просмотровый зал на «Мосфильме» называется «Яичный». Стены его оклеены материалом, который служит в быту тарой для перевозок яиц — множество лунок, выбитых в картоне, легко воспламеняющегося на вид. Почти 15 лет моей жизни — в этом зале. В уютной темноте его я просмотрел десятки тысяч метров киноплёнки.

Сейчас мне хочется обозреть свою работу, воплощенную в сотнях заседаний коллегий под председательством давно ушедшего, но бессмертного, обаятельного Михаила Ильича Ромма.

Мы заседаем, извлекаем из портфелей стопки сценариев. Вносим свои решения, снова, по прошествии дней, обсуждаем вторые и третьи варианты.

О, мы не только браковали. За эти годы народ увидел немало отличных фильмов. Я и сам, закрыв глаза, вижу на экране своей памяти эпизоды многих замечательных произведений. Молодой Чухрай поставил «Балладу о солдате», старый Калатозов — «Неотправленное письмо», Ромм — «Девять дней одного года»... Просмотр этих фильмов доставлял большую радость. А фильмы Райзмана?

В перспективе лет совсем не запомнились середнячки. А их было немало. Можно ли их считать неудачами? И даже если так, то бывает ли искусство без неудач? А тогда та самая прорва — тоже, какой ни на есть, перегиб.

Сколько говорено о публицистике, и все еще мы часто выдаем за публицистику какие-то инструктивные письма.

Некрасов писал: «Чем выше предмет, тем легче выказывается бездарность сочинителя. Но того, чтобы вы-

сокою предметностью окупалась бездарность — никто не вспомнит».

Белинский писал: «Деятельные идеи и талантливые живое воплощение великого дела только тогда живут, когда это связано с личностью автора».

А наш современник, Михаил Светлов, говорил, что самое ценное в искусстве, когда книжка похожа на своего автора.

Разные люди по-разному говорили одно и то же. Помоему публицистика — это материализованная мысль, сказанная одним за всех.

У публицистики есть два дела. Одно — сиюминутное, другое — с огромной отдачей во времени. Великая удача, когда они взаимопроницают.

Пушкинская проза — целые числа. Дробей нет. Только изредка деталь, собственная, с которой можно не соглашаться, но которая покрывает тебя, как превосходство впечатления художника над твоим собственным — «мгла мутная и желтоватая» в «Метели». Как то, что гробовщик не испытывал радости, перебираясь на новоселье в лучший дом.

Я вспомнил сотни ответов мальчиков на вопрос — каким бы хотел ты быть? Сильным, умным, храбрым, мужественным, находчивым, остроумным, бесстрашным... И ни один не сказал — добрым. Почему доброта не ставится в один ряд со всеми этими доблестями? Почему мальчишки еще стесняются своей доброты?

Любите ли вы поэзию? Любите поэзию, это уроки краткости.

Иногда фраза должна быть сонной, протокольной, иногда — задышаться, рваться. Пульс и дыхание.

Никогда не пишите так: сперва сюжет на живую нитку, а стилистика потом.

Настоящая литература — где человек, неповторимо открывая себя, неповторимо открывает нам свой мир, мир своей памяти, своих образов, своего взгляда. Писатель же не может быть хорошим или плохим. Он — или настоящий, или никакой.

Писатель начинается со слова. Может ли быть пред-

ставление о вторичном значении стилистики, стиля?

Человечество сложило каменные ядра горками у крепостных стен — так же будет когда-то с нашим страшным оружием. А музыка Моцарта все так же будет собирать концерты.

Спор за обедом в ЦДЛ о внутренней рецензии.

Мне говорят:

— Рецензент — оценщик.

Я возражаю:

— Кто это — Горький, пишущий автору, — оценщик? Горький был внутренним рецензентом. Если бы было хотя бы десять таких! Что такое писать рецензию? Это выявить замысел, сверить с творческим литературным процессом, отчетливо определить идейное ядро, рассмотреть художественные средства, сопоставить с замыслом — чтобы стал он в проекции, увидеть то художественное совершенство, которое только можно угадывать в этом неповторимом явлении.

Но вот начинается разделение труда. Теперь рецензент подчинен издательским задачам.

Какой же там рецензент вырабатывается? Вы думаете — тот, кто может увидеть и даже прояснить для автора его замысел? О, нет, механический оценщик, да еще оценщик особого рода, вроде скупщика краденого.

Я не против нормативно-го. Но разговор должен предполагать нормативы, чтобы идти к необычному, необыкновенному, чудесному и неповторимому, единственному. А чаще ведь — наоборот.

Комета не удивляет ребенка.

Нам надо уметь сидеть за одним столом с читателем, и если читатель имеет свой жизненный опыт, грош цена нашей беседе с ним, если мы свой опыт жизни оставляем для близких.

Всякая публицистика несет в себе лирического героя — он заключен в интонации, в примерах из жизни, в негодовании, в любви — в выходе из мундира. Хочешь заразить читателя своей убежденностью — сним мундир.

Публикация
М. ДАЛЬЦЕВОЙ.